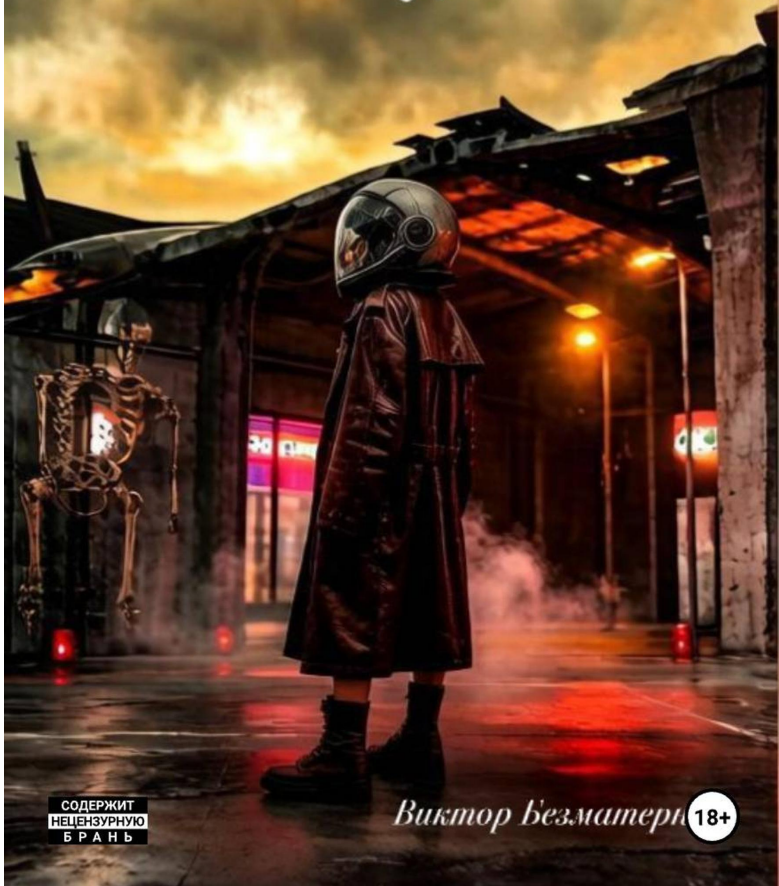


Эпоха полураспада



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виктор Безматери

18+

Виктор Безматерный

Эпоха полураспада

<https://litres.ru/74460697>

SelfPub; 2026

Аннотация

В маленьком городе происходят убийства. На их раскрытие начинается Анна Шмель

Расследование ведет старшего инспектора Анну Шмель по спирали безумия: от заброшенной геронтологической клиники доктора Воронцова, тестирующего запрещенный препарат бессмертия, до секретных ангаров проекта «Купол». Но чем глубже она погружается в дело, тем сильнее стирается грань между охотником и хищником.

Анна страдает провалами в памяти, а ее реальность распадается на пиксели психоза. Голос диспетчера в голове приказывает ей подниматься выше, в то время как тело оставляет за собой след из мазута и озона. Пытаясь найти маньяка, который видит в старости лишь системную ошибку мироздания, Анна внезапно осознает пугающую истину: второй пилот этого смертельного полета находится гораздо ближе, чем кажется. Протокол самоуничтожения запущен, и эпицентр цепной реакции носит ее собственное имя.

Содержание

Глава 1 Запах мокрого бетона	4
Глава 2. Геометрия идеального покоя	14
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктор Безматерный

Эпоха полураспада

Глава 1 Запах мокрого бетона

Он просачивался сквозь щели в старых деревянных рамах, минуя тройной стеклопластик современных окон, которые Анна так и не удосужилась поставить. В спальном районе «Зона-4» бетон был живым организмом. Днем он впитывал ядовитую влагу неба, а ночью медленно выдыхал ее обратно, смешивая с запахом гниющих тополей, забитых в технические желоба, и едва уловимым ароматом горелой изоляции из подвальных щитовых. Этот запах въедался в одежду, становился частью кожного сала, оседал на корне языка. Анна ненавидела его больше всего на свете, потому что это был единственный запах, который она не могла смыть даже самым едким хозяйственным мылом.

Она открыла глаза ровно в 04:12.

Цифры флуоресцировали ядовито-зеленым светом на потолке. Электронные часы — единственная уступка технологиям в этой берлоге — всегда показывали точное время

смерти. Она знала это интуитивно, костным мозгом. Секундная стрелка дернулась, отмеряя сорок первую секунду двенадцатой минуты четвертого часа утра. Время, когда ночная смена патрульных начинает чувствовать свинцовую усталость век. Время, когда самоубийцы чаще всего переступают через подоконники. Время абсолютного нуля.

Анна лежала неподвижно, раскинув руки крестом поверх тонкого синтетического одеяла. Простыни под ней были ледяными. Конвектор отопления работал на пределе, сжигая кислород и пересушивая слизистую до крови, но холод шел изнутри. Он поднимался от поясницы к лопаткам плотной волной, заставляя мелкие волоски на предплечьях вставать дыбом. Это была не температура тела. Это было преддверие.

Первым пришел звон. Тиннитус.

Он начался не в ушах, а где-то в центре лба, за надбровными дугами. Тонкий, вибрирующий писк комариного крыла, попавшего в вакуум. Звук нарастал по экспоненте, заполняя собой черепную коробку, выдавливая глазные яблоки из орбит. Через тридцать секунд высокочастотный свист сменился тяжелым, низким гулом турбины самолета, идущего на посадку в густом тумане. Гул давил на барабанные перепонки так, что начинало казаться, будто кровь сейчас хлынет носом прямо на несвежую наволочку.

Анна стиснула зубы. Ее челюстные мышцы затрещали от напряжения. Левый нижний резец, в котором давно погиб нерв, отозвался тупой фантомной болью. Она попыталась сглотнуть, но слюна во рту превратилась в мелкую стеклянную крошку.

Это не было болезнью. Болезнь лечат. Это состояние Анны называлось «Синдром полураспада», хотя в медицинских картах оно значилось как острая форма диссоциативной фуги, осложненная тяжелой депрессией и слуховыми галлюцинациями. Но Анна Шмель, инспектор уголовного розыска со стажем пятнадцать лет, циник высшей пробы, презирала эвфемизмы. Для нее это была просто плата за вход. Вход в сознание убийцы.

Она села на кровати одним рывком, бросив тело вперед, используя инерцию пробуждения. Ноги коснулись линолеума. Холод ударил по босым ступням тысячей иголок. Пол в ее квартире никогда не прогревался полностью — дом стоял на болотистой почве окраины, и вечная сырость фундамента тянулась вверх по капиллярным трубам арматуры.

Комната выглядела чужеродной. Приборная панель упавшего корабля.

Стены, выкрашенные в цвет застывшей рвоты — тусклый

бежевый, выбранный застройщиком для маскировки плесени. На одной стене — дешевый репродукция гравюры Дюрера «Меланхолия». Крылатый ангел сидел, подперев голову рукой, окруженный инструментами точных наук. Анна смотрела на него каждое утро. Ей казалось, что у ангела точно такие же синяки под глазами, как у нее.

Взгляд инспектора скользнул дальше. Пластиковый стул из ИКЕА. На нем — аккуратно сложенная форма: темно-синий джемпер, рубашка. Галстук завязан идеальным узлом еще с вечера и перекинут через спинку стула. Рядом — португеза с пустой кобурой. Оружие заперто в сейфе в коридоре. Ключ от сейфа висел на гвозде в ванной, за зеркалом. Рутинная безопасности, доведенная до автоматизма паранойи. Если бы второе «я» Анны захотело убить кого-то дома, ему пришлось бы сначала пройти квест по поиску ключа.

На столе стояла кружка. Толстостенная, армейская, цвета хаки. Внутри — остатки остывшего чая. Чай был заварен вчера утром. Анна понюхала его. Запах прелой листвы и дешевого цейлонского мусора. Она не помнила, как пила его. Возможно, она вообще не притрагивалась к нему последние сутки. Границы между днями стирались, превращаясь в единую серую ленту асфальтированной дороги.

Тиннитус внезапно сменил тональность. Низкий гул

трансформировался в отчетливый голос. Он не звучал извне, он транслировался напрямую в слуховой нерв:

«Борт стабилен. За бортом минус пятьдесят. Обледенение кромки левого крыла».

Анна зажмурилась. Голос Диспетчера. Мужской, абсолютно лишенный эмоций баритон фразеологии гражданской авиации. Он появлялся только в эти минуты — между сном и явью, в те самые 04:12. Он комментировал ее физиологию языком полета.

Анна подняла руку и посмотрела на свои пальцы. Короткие ногти, обгрызенные чуть выше корня. Кожа вокруг лунок воспалена, покрыта мелкими кровоточащими трещинками — последствия постоянного мытья рук антисептиком. Между указательным и большим пальцем правой руки темнело старое пятно химического ожога. Три года назад, при осмотре места первого убийства этого цикла, она пролила на себя проявитель для отпечатков. Пятно чесалось перед каждым новым дождем. Сейчас оно пульсировало в такт гулу в голове.

Она встала. Движение вызвало приступ мгновенного головокружения. Вестибулярный аппарат сбоил. Потолок накренился градусов на десять вправо, словно палуба авианосца в шторм. Анна выставила левую руку, опершись о сте-

ну. Старые обои под ладонью пошли волнами клея. Она чувствовала каждую неровность штукатурки под бумагой. Сенсорная перегрузка. Мир стал слишком громким, слишком текстурным, слишком реальным.

В такие моменты ей казалось, что ее собственное тело — это лишь тяжелый, неудобный скафандр, надетый на голый электрический провод. Проводу тесно. Провод искрит.

Анна прошла в ванную. Два шага по ледяному кафелю. Включать верхний свет она не стала. Зажигать лампу означало признать начало нового дня, а день требовал функционирования. Функционирование требовало ресурсов, которых у нее не было. Хватало тусклой подсветки зеркала над раковиной и мертвенно-голубого света уличного фонаря, бьющего в узкое окно санузла.

Она включила воду. Струя ударила в фаянс глухо, как снаряд. Анна подставила ладони. Вода обожгла холодом. Она плеснула себе в лицо, задержав дыхание. Капли стекали по щекам, попадая в уголки рта. Соленая. Она лизнула губу. Кровь. Из носа все-таки пошла, тонкой струйкой прокладывая путь к подбородку. Носовые кровотечения сопровождали каждый такой ночной подъем. Давление внутри черепа превышало атмосферное снаружи.

Анна посмотрела на свое отражение.

Женщина тридцати восьми лет. Хотя сегодня, если верить паспорту, оставленному на холодильнике в гостиной, ей исполнилось ровно пятьдесят. Круглая дата. Эпоха полураспада достигла своего пика. Радиоактивность ее сознания зашкаливала.

Из зеркала на нее смотрели глаза трупa. Белки испещрены красной сеткой лопнувших сосудов. Зрачки расширены так, что почти поглотили радужку, сделав ее черной, бездонной ямой. Кожа бледная, с легким синеватым оттенком — признак хронического недостатка кислорода. Губы сухие, потрескавшиеся. Волосы, обычно собранные в тугую, безупречный пучок на затылке, сейчас представляли собой воронье гнездо. Темные пряди слиплись от потa на висках.

Она провела пальцами по лицу, ощупывая скулы, линию челюсти, переносицу. Механическая проверка целостности корпуса. Все на месте. Лицо не осыпалось трухой. Пока.

— Ты здесь? — спросила она шепотом у отражения.

Голос прозвучал хрипло, сорванно. Как будто она кричала несколько часов подряд накануне. Но она молчала весь вчерашний вечер. Читала протоколы допросов свидетелей по делу о краже шин. Монотонный, успокаивающий бред человеческой глупости.

Отражение не ответило. Оно лишь моргнуло на долю секунды позже, чем сделала это сама Анна. Микросекунда рассинхрона. Пропась между двумя сущностями, запертыми в одном объеме плоти.

«Высота три тысячи. Начинаем снижение», — прошестел Диспетчер в мозгу.

Анна резко выдохнула через нос, пытаясь вытолкнуть чужой голос вместе с воздухом. Вытерла рукавом кровь. Нужно было двигаться. Неподвижность убивала быстрее пуль. Стоять на месте означало дать тому, второму, захватить рычаги управления. А захват рычагов неизбежно приводил к разгерметизации салона.

Она вернулась в комнату. Подошла к окну. Отодвинула тяжелую штору из ткани, похожей на мешковину.

За стеклом простирался мегаполис. Панорама бесконечного страдания архитектуры. Однотипные башни-близнецы, пронзающие низкую облачность. Ни одного огонька в окнах — люди в этом городе научились спать мертвым сном, чтобы не слышать скрежет собственных жизней. Улица внизу была пуста, если не считать одинокой дворницкой машины, методично растаскивающей грязь с проезжей части. Желтый свет

ее фар вяз в сером киселе рассвета.

Где-то там, в пяти километрах отсюда, в таком же бетонном улье, прямо сейчас спит человек. Ему пятьдесят два или шестьдесят один год. Он дышит глубоко и спокойно. Может быть, он принял валидол перед сном. Может быть, выпил стакан теплого молока. Он чувствует себя в полной безопасности. Его дверь закрыта на два замка и цепочку. Его район считается благополучным.

Но он уже мертв. Анна знала это так же твердо, как знала то, что вода мокрая, а небо сверху. Человек старше пятидесяти лет уже лежит в своей спальне, и невидимая игла вот-вот преодолеет сопротивление кожи на затылке. Идеальная траектория. Девяносто градусов к основанию черепа. Прямо в ствол мозга. Без звука. Без крика. Только тихий, влажный хруст костной ткани, который услышит только тот, кто нажимает на спуск.

И самое страшное заключалось в том, что правая рука Анны начала зудеть. Глубоко, под кожей, в мышечных волокнах предплечья. Мышечная память. Нейронные связи, проложенные годами тренировок в тире, реагировали на визуальный образ цели. Целью сейчас был весь этот город. Любой, чей биологический цикл перевалил за половину столетия.

Зуд стал невыносимым. Анна прижала правую ладонь к холодной стене, впиваясь ногтями в штукатурку, пока боль физическая не перебила фантомную потребность нажать на курок.

Тиннитус достиг крещендо.

Гул заполнил вселенную.

Диспетчер отсчитывал метры до земли:

«Сто... пятьдесят... двадцать...»

Анна отпустила стену. Сделала шаг назад от окна.

Падение отменялось. На этот раз.

Она подошла к стулу. Взяла рубашку. Ткань пахла кондиционером для белья и одиночеством.

Ноль четыре часа тринадцать минут. До планерки в управлении оставалось четыре часа и семнадцать минут. Нужно было принять душ, залить в желудок растворимый кофе и надеть маску человека, которому не плевать на окружающих. Маску инспектора Шмель.

Она начала расстегивать пуговицы на пижамной куртке. Пальцы двигались четко, быстро, профессионально. Пальцы хирурга перед операцией. Или палача перед работой. В их мире разница была исключительно терминологической.

Глава 2. Геометрия идеального покоя

Смерть пахла озоном.

Этот запах стоял в спальне густым, физически ощутимым слоем на высоте полутора метров от пола — именно там, где заканчивался теплый воздух от еще не остывших радиаторов и начиналось ледяное дыхание открытого настежь окна. Анна Шмель стояла на пороге, намеренно не переступая ленту оцепления, хотя Илья Громов уже дважды кивнул ей, приглашая войти. Для Ильи она была старшим оперуполномоченным, экспертом по безнадежным делам. Для самой себя она сейчас была просто сосудом, который нужно было наполнить чужой агонией, чтобы заглушить собственную.

Спальный район «Северный-7» никогда не спал полностью, но сегодня он затаил дыхание. Тишину нарушало только монотонное гудение лифтовой шахты за стеной да далекий, утробный вой сирены скорой помощи, которая пробивалась через пробки с другого конца города. Здесь, в типовой двушке на двенадцатом этаже, время остановилось.

— Заходишь? — хрипло спросил Леван Гафуров. Он сидел на корточках у прикроватной тумбочки, держа в длинных пальцах пинцет так, словно это был смычок виолончели. Его лицо, подсвеченное тусклым светом полицейского фонаря, казалось посмертной маской античного философа.

Анна молча шагнула внутрь. Подошвы ее ботинок из плотной кожи едва слышно скрипнули по ламинату. Она сняла верхнюю одежду еще в подъезде, оставшись в одной тонкой водолазке. Шерстяное пальто собирало на себя статику и микрочастицы, которые могли стоять им лет жизни при анализе ДНК. Сейчас главным инструментом инспектора были глаза и легкие.

Жертва лежала на широкой двуспальной кровати. Мужчина. Пятьдесят два года. Анна знала это со слов судмедэксперта, но тело само транслировало этот возраст. Это была та самая фаза мужского увядания, которую циники называют «второй молодостью», а патологоанатомы — началом системного распада. Крепкая шея, покрытая густой сеткой вен. Широкие плечи, все еще сохраняющие мышечный рельеф под фланелевой пижамой в синюю клетку. Лицо спокойное, расслабленное. Морщины вокруг глаз говорили о том, что человек часто улыбался. На безымянном пальце правой руки поблескивало обручальное кольцо. Простое, гладкое золото.

Он выглядел как муж, которого жена укладывает спать каждый вечер ровно в двадцать три ноль-ноль, поправляя ему подушку и целуя в лоб. Идиллическая картина семейной жизни, если бы не одна деталь.

Голова мужчины была неестественно вывернута чуть вправо и глубоко утоплена в ворсистую ткань подушки. Между левым ухом и подушкой зияла черная, бархатная дыра входа. Крови почти не было. Игольник высокого давления работает чисто. Тонкая стальная игла входит в кость затылочной части со скоростью звука, преодолевает мозжечковый намет, превращает ствол мозга в кашу и оставляет после себя лишь крошечную припухлость, похожую на укус насекомого. Вся кровопотеря остается внутри черепной коробки, создавая чудовищное давление, которое выдавливает жизнь быстрее, чем нервные окончания успевают передать сигнал боли. Смерть наступает за четыреста миллисекунд. Самая гуманная казнь во вселенной, если смотреть на нее глазами инженера.

Но Анна смотрела на него глазами убийцы. И то, что она видела, вызывало у нее профессиональный восторг, смешанный с первобытным ужасом.

Руки мужчины. Они покоились поверх одеяла. Левая ладонью вниз, правая — чуть согнутая в локте, пальцы рас-

слаблены. Ни следа борьбы. Ногти коротко стрижены, под ними нет грязи. Значит, жертва не царапалась, не пыталась закрыться. Она приняла удар. Или... заснула до того, как игла коснулась кожи.

Анна сделала плавный шаг вперед, обходя кровать по широкой дуге, чтобы не потревожить возможные улики на полу. Ее взгляд скользнул ниже.

Одеяло. Плотное, тяжелое верблюжье одеяло песочного цвета. Оно было натянуто идеально ровно. Стеганный узор образовывал безупречную геометрическую сетку. Одеяло было подоткнуто под матрас с трех сторон — вдоль тела и в ногах. Четвертый край, верхний, был аккуратно отвернут треугольником ровно настолько, чтобы обнажить шею и подбородок убитого.

Это противоречило всем законам криминалистики. Маньяки обычно оставляют следы хаоса. Разбросанные вещи, перевернутые стулья, открытые ящики комода. Этот же действовал как швейцарский часовщик.

«Посадка завершена успешно», — прошелестел знакомый голос Диспетчера в левом полушарии Анны.

Она проигнорировала его, сосредоточившись на складках

ткани. Углы одеяла сходились в точке изголовья с математической точностью. Там, где должна была быть голова, ткань лежала абсолютно плоско, скрывая ту самую страшную дыру. Если бы не неестественный наклон шеи и отсутствие дыхания (которое невозможно было увидеть, но можно было *почувствовать* — комнаты с мертвецами пахнут отсутствием углекислого газа), спальня выглядела бы как номер пятизвездочного отеля, готовый к заселению нового гостя.

— Время смерти? — глухо спросила Анна, не поворачивая головы. Ее голос звучал чужеродно в этой звенящей чистоте.

— Около четырех утра, плюс-минус полчаса, — отозвался Леван, не поднимаясь с корточек. Он осторожно извлекал из уха жертвы микроскопический кусочек полимера. — Температура ядра тридцать четыре градуса. Окна открыты полтора часа. Сквозняк сделал свое дело. Охлаждение ускоренное. Я ставлю на 03:58. Почти твоего времени разлива, Анечка.

Анна вздрогнула. Ей показалось, что температура в комнате упала еще на десять градусов. Откуда он знает про 04:12? Но Леван смотрел исключительно на свои инструменты. Он всегда говорил сам с собой, комментируя анатомию трупов вслух, словно читал лекцию студентам-медикам.

Илья топтался у дверного косяка, переминаясь с ноги на

ногу. Ему здесь было неуютно. Запах озона щекотал его нежные ноздри интеллигента, воспитанного на классической литературе.

— Чисто сработано, — сказал Илья, пытаясь заполнить тишину своим бодрым тенором. — Никаких следов взлома. Замок магнитный, английский профиль. Судя по пыли на притворе, дверь открывали родным ключом. Соседи снизу ничего не слышали. Звукоизоляция тут отличная.

— Конечно, отличная, — процедила Анна. — Потому что стены пустотные. Сюда танк въедет — никто не проснется.

Она подошла к открытому окну. Холодный осенний ветер ударил в лицо, растрепав волосы. Анна вдохнула полной грудью уличную сырость, смывая озоновую сладость спальни. Внизу, во дворе-колодце, горел единственный желтый фонарь. Под ним кружился мелкий мусор.

Зачем открывать окно посреди ночи, когда на улице минус пять, а в квартире работают батареи? Логика обычного грабителя или насильника ломалась. Открыть окно мог либо тот, кто хотел замести тепловой след для служебных собак, либо...

Либо тот, кому нужен был звук.

Анна закрыла глаза, восстанавливая акустическую картину. Если стоять у этого окна и направить ствол вверх под уг-

лом сорок пять градусов, щелчок пьезоэлектрического разряда игольника будет неотличим от треска лопнувшей лампочки в коридоре. А свист рассекаемого воздуха поглотит шум проезжающей внизу машины. Идеальная акустическая маскировка.

Она открыла глаза и перевела взгляд на подоконник. Белоснежный пластик. Ни единой пылинки. Маньяк протер его. После того как открыл створку, впуская холод, он достал салфетку и тщательно стер отпечатки пальцев. Чистоплюйство, граничащее с обсессивно-компульсивным расстройством. Но Анна чувствовала — это не болезнь. Это эстетика. Убийца создавал инсталляцию.

— Что-нибудь есть? — бросила она через плечо Левану.

— Много чего, — прокряхтел эксперт, наконец разогнувшись. Суставы его пальцев хрустнули. — Во-первых, наш друг использует смесь газов. Пропан-бутан с добавлением аргона. Аргон тяжелее воздуха, он оседает в легких вместе с микроиглой. Жертва чувствует легкое головокружение, тепло в груди... думает, что засыпает. Никакого страха. Последняя мысль перед отключкой коры — «как хорошо я буду спать». Очень вежливый мальчик.

— Мальчик?

— Метаболизм. Высокий уровень тестостерона в остаточных парах выдоха на подушке. Молодая железа. Лет трид-

цать, может, тридцать пять. Но бьет он с плеча старого человека. Амортизация удара рассчитана ювелирно. Кость целая, только входное отверстие. Никакого гидроудара, размолившего лицевую часть. Только точечное разрушение варолиева моста.

Леван подошел к Анне, протягивая ей прозрачный пакетик. Внутри, на белой фильтровальной бумаге, лежала золотистая чешуйка. Размером меньше миллиметра.

— Нашел под ногтем большого пальца левой руки. Лезвием зацепил, когда падал. Не кожа. Металл. Сплав алюминия с медью. Покрытие анодированное. Цвет специфический. Такой используют в авиастроении. Обшивка салонов старых бортов. Или внутренняя фурнитура тренажеров-симуляторов.

Анна взяла пакетик двумя пальцами. Поднесла к свету лампы. Чешуйка блеснула мертвым металлическим блеском. Авиация. Отец работал с композитными материалами для секретных аэростатов. Мать говорила, что у него руки вечно были в алюминиевой пудре.

«Зафиксирована потеря высоты левого двигателя», — констатировал Диспетчер.

Анна сунула пакетик в карман своего жилета, даже не

взглянув на маркировку вещдока. Правила нужны для тех, кто боится потеряться в деталях. Она жила в деталях. Они были ее единственным спасательным кругом.

Она вернулась к кровати. Осторожно, одними глазами, начала сканировать пространство вокруг тела. Комод. Три ящика. Ручки деревянные, отполированные до блеска. Верхний ящик слегка выдвинут. Ровно на один сантиметр.

Анна замерла.

Если бы ящик был задвинут плотно, линия дерева совпала бы с линией фасада. Если бы его обыскивали в спешке, он торчал бы криво, наискось. Один сантиметр. Математическая константа забывчивости.

Она медленно, чтобы не нарушить покой мертвеца, наклонилась над ящиком. Оттуда пахло старой бумагой, кожей и легким ароматом дорогого трубочного табака. Внутри, среди стопок документов, лежал кожаный планшет. Профессиональный полетный планер. Такие выдают пилотам малой авиации.

Анна выпрямилась. Сердце пропустило удар, а затем забилось вдвое быстрее, гоняя по венам чистый адреналин.

Пилот.

Все предыдущие жертвы тоже имели отношение к небу.

Первый — диспетчер наземных служб аэропорта. Второй — инженер-конструктор бюро вертолетостроения. Третий — коллекционер метеорологических зондов.

А этот?

Ее взгляд упал на стену напротив кровати. То, что она приняла в темноте прихожей за абстрактную мазню, оказалось фотографией в рамке. Черно-белый снимок. Группа людей в летных куртках стоит на фоне огромного серебристого эллипсоида — дирижабля жесткой конструкции. Люди смеются, запрокинув головы. Солнце бьет в объектив.

Мужчина на фотографии — точная копия трупа, только моложе лет на тридцать. Он стоит третьим слева, рука закинута на плечо соседа. На петлицах — крылышки испытателя.

— Аэростатчики, — выдохнула Анна. — Боже правый, они все оттуда.

Илья непонимающе моргнул:

— Откуда, Анна Марковна? Из загробного мира?

— Из проекта «Купол», идиот, — резко обернулась она. Ее лицо исказила гримаса раздражения, направленная вовсе не на напарника. — Закрытая программа восьмидесятых. Высотное наблюдение. Мой отец там сгинул. Все эти люди знали моего отца. Или работали с ним. Или...

Она осеклась. Осознание обрушилось на нее холодной плитой бетона. Дело принимало личный характер, а личные дела в управлении закрывались быстро и навсегда — путем списания в архив по причине сумасшествия ведущего следователя. Если Илья поймет связь, он odstranit ее завтра же утром. Нужно сменить вектор.

— Где жена? — сухо спросила она, возвращая себе маску профессионального равнодушия.

— В ванной рыдает, — Илья мотнул головой в сторону коридора. — Соседи вызвали, услышали, как падает стул. Когда наряд приехал, она сидела на кухне и смотрела в одну точку. Говорит, легла спать в гостиной, потому что муж храпел. Проснулась от сквозняка.

— Она не слышала выстрела, — констатировала Анна. — Потому что выстрела не было. Был щелчок. Как открытие бутылки шампанского. Она привыкла. Муж открывал пиво перед сном десятилетиями. Рефлекс слуха заблокирован.

Анна снова посмотрела на мужчину в кровати. Теперь она видела не просто жертву. Она видела призрак собственного детства. Запах отцовской куртки, пропитанной машинным маслом и высотным морозом.

Внезапно ее внимание привлекла странность. Мелкая, почти незаметная асимметрия.

Угол одеяла. Тот самый идеальный треугольник у лица. Правый угол был подогнут чуть глубже под матрас, чем левый. Разница составляла не более двух миллиметров. Незаметно для любого, кроме человека с патологическим вниманием к деталям. Человек, страдающий тяжелой формой обсессивно-компульсивного расстройства, оставил бы их симметричными. Человек в состоянии аффекта вообще не стал бы заправлять постель.

Анна протянула руку в латексной перчатке. Она ненавидела касаться места преступления голыми руками — ощущение чужой смерти на коже вызывало рвотные позывы. Но сейчас ей нужно было тактильное подтверждение.

Она поддела пальцем краешек одеяла в той самой точке, где расходились углы. Ткань поддавалась легко. Она заглянула в образовавшийся проем между матрасом и наматрасником. Там, в темноте пыльной щели, что-то белело. Не пыль. Бумага.

Анна оглянулась на Илью. Он увлеченно изучал содержимое бумажника убитого, доставая кредитные карты. Леван возился со своей ультрафиолетовой лампой, высвечивая невидимые брызги биологических жидкостей на плинтусе. Никто не смотрел.

Одним быстрым, змеиным движением Анна выхватила сложенный вчетверо листок из-под матраса. Сунула его в рукав своего джемпера, предварительно натянув манжету на кисть. Затем резким движением ладони расправила одеяло, возвращая ему первозданную геометрию.

Сердце колотилось где-то в горле. Она отошла к двери, делая вид, что изучает замок.

— Вызывайте понятых, — бросила она Илье. — Начинайте протокол осмотра. Я пока опрошу супругу. Узнайте, пил ли он снотворное. И проверьте историю его перелетов за последний месяц. Мне нужна каждая посадочная ведомость.

Она вышла из спальни, плотно прикрыв за собой дверь, отрезая себя от запаха озона и идеальной постели.

Только в темном коридоре, прислонившись спиной к холодной стене, она позволила руке дрогнуть. Медленно, боясь шелеста бумаги, она развернула находку.

Это был не чек и не записка самоубийцы. Это был плотный картон кремового цвета с золотым тиснением. Посадочный талон бизнес-класса авиакомпании «Аэрофлот-Норд».

Рейс SU-9842.

Маршрут: Москва — Город-призрак Припять (закрытая зона).

Дата вылета: Сегодня. 06:00 утра.

Время смерти — 03:58.

Жертва умерла за два часа до того, как должна была улететь туда, откуда не возвращаются коммерческие рейсы. Туда, где небо встречается с радиационным туманом. Туда, где пропал ее отец.

«Отказ системы навигации», — сочувственно прошептал Диспетчер прямо в висок. — *«Мы сбились с курса, борт один-пять. Возвращаемся на базу».*

Анна сжала посадочный талон в кулаке так, что глянцевый картон врезался в кожу. Экзистенциальный холод спальни проник под ребра. Кто-то методично уничтожал прошлое ее семьи, упаковывая каждое убийство в саван абсолютного порядка. И самое страшное заключалось в том, что логика этого безумия была ей понятна. Пугающе, тошнотворно понятна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.